

КВАДРАТ 617

Фантастический рассказ

Генерал Кононов стоял на самом краю пригорка, Славич — немного поодаль. Гаастийская капсула наполовину зарылась в землю, а ее корпус треснул вдоль до самого хвостового оперения. Закопченные края распоротых броневых листов вывернулись наружу, по ним расползались, как живые, клочья пожарной пены. Из рваной черной щели сочилась струйка сизого дыма — похоже, там, в глубине, что-то продолжало тлеть.

Роботы вытаскивали из капсулы тела гаастийцев и складывали их рядком на обугленной траве.

— Отлетались, — сказал генерал. — Эти последние, других не пошлют. Они же не идиоты!

Кононов был прав. Противник окончательно убедился, что сквозь кордон из спутников-истребителей, простреливающих все околопланетное пространство, ему не пробиться. Посылать на верную гибель новые десантные капсулы глупо. Вражеский корабль-матка так и будет наматывать витки на орбите, дожидаясь подхода основных сил. Но гаастийский флот далеко, он надолго связан затяжными боями в Змееносце. Так что судьбу Ники предстоит решить, исходя из нынешнего расклада сил. Весьма неплохая по боевым возможностям группировка землян, против нее — горстка гаастийцев и неисчислимые полчища септов. Кто кого?

— Пойдем, майор, — сказал генерал и начал спускаться с пригорка. Славич последовал за ним.

Гаастийцев было семеро. На четверых комбинезоны обгорели и были заляпаны оранжевой кровью. Оставшиеся трое выглядели так, будто просто уснули.

— Так и думал, — сказал Кононов, деловито оглядев тела. — С этими четырьмя все ясно — попали в самую зону поражения. А те, чистенькие, могли уцелеть, но покончили с собой, чтобы не выдать военную тайну нам, монстрам с Земли.

О гаастийском кодексе чести ходили легенды. Люди никогда не встречали его текста, но были уверены, что он существует — пусть даже не в виде графических символов, а исключительно в мозгах. Слишком часто и практически не раздумывая враги землян отдавали свои жизни ради общего дела. Кое-кто даже сравнивал их с японскими самураями времен Второй мировой.

Но если самоотверженность всегда в цене, то другие черты характера чужаков никак не могли вызывать симпатию.

Гаастийцы были нахраписты и бесцеремонны. Они презирали дипломатическую гибкость, считали ее уделом слабых, а потому, дотянувшись до любого космического тела, тут же объявляли его своей собственностью и не шли ни на какие уступки. Пытаясь найти компромисс, земляне много раз предлагали им разграничить сферы влияния, но все призывы отвергались с ходу. Между тем люди имели свои виды на эту область Галактики, и о том, чтобы, поджав хвост, убраться отсюда, не могло идти речи. В конце концов случилось неизбежное. Пара-тройка мелких стычек из-за спорных секторов пространства — и вспыхнула полномасштабная звездная война. В какой-то момент ее пламя опалило и Нику — планету земного типа, которую обе цивилизации поспешили объявить своей.

Вскоре после начала боевых действий выяснилось, что при весьма сходной технике земляне намного превосходят противника числом. Но, как оказалось, в число умений гаастийцев входила способность «ставить под ружье» местных представителей фауны. Люди сполна осознали это, когда в ходе битвы при Полифеме их флот атаковали гигантские космические медузы, которые распускали на миллионы километров ловчую сеть из щупалец и пожирали пойманные объекты, разлагая их на атомы. Потом с ними научились бороться, но в первом столкновении потери были серьезные. А сейчас гаастийцы непостижимым образом сумели мобилизовать населяющих Нику септов...

Роботы откапывали капсулу, проворно орудуя конечностями-лопатками. Скоро ее подцепят к двум авиеткам, и те доставят ценный груз на Базу.

— Ну, будет пожива нашим технарям! — довольно сказал Кононов, когда хвостовая часть вражеской машины пошла вниз и гулко ударилась о землю. — А теперь к делу. Какие у тебя соображения, майор?

На то, чтобы обдумать ответ, Славичу хватило нескольких секунд.

— Они знали про наш спутниковый кордон. Представляли, каково сквозь него пробиваться, и все-таки попытались. Ради чего было так рисковать? У нас ведь тут пока что паритет — можно долго играть в «кто кого пересидит». Я думаю, дело в том, что гаастийцы, нитравливающие на нас септов, начали выдыхаться. Если не физически, то морально. Постоянно контролировать целую армию существ, с которыми не имеешь ничего общего, — это бесследно не проходит. Вот они и хотели заменить уставших бойцов на свежих. А мы не дали.

— Логично мыслишь. — Генерал смотрел, как авиетки, надсадно гудя, отрывают капсулу от земли. — И что бы ты сделал в этой ситуации?

— Я считаю, если противник действительно ослаб, надо воспользоваться этим и нанести удар. Чем быстрее, тем лучше. И когда их флот наконец-то сюда доберется, планета будет уже наша.

— Что ж, похвально. — Кононов проводил взглядом капсулу, уплывающую в сторону Базы. — Когда офицер умеет не только исполнять, но и рассуждать, ему цены нет. Исходя из этого, наверное, следовало тебя побережь. Но я уверен в успехе.

Славич понял, что все уже обдумано и решено.

— Когда? — коротко спросил он.

— Завтра. План такой. Спутники до сих пор не обнаружили никаких центров управления септами, но, по косвенным данным, один из них находится в квадрате 617. Там сплошной лес, с воздуха ничего не рассмотреть, поэтому возглавишь сухопутную операцию. А мы постараемся максимально обезопасить группу — завяжем в полусотне километров к северу отвлекающий бой. Роботизированные системы оттянут на себя основную массу септов из окрестностей, включая шестьсот семнадцатый. Вот тогда и начнете прочесывать местность. Выявим этот центр — возьмемся за другие.

На Базе, обсудив с генералом детали, Славич занялся формированием группы. Расписал состав, отдал необходимые распоряжения и направился в ангар. Там, поговорив с механиками, отобрал три вездехода. Придирчиво осмотрел каждый и, выполняя давний ритуал, хлопал по броне: не подкачай, мол!

Из ангара майор вышел с ощущением, что перегрузил себя мыслями о завтрашнем дне. И решил немного пройтись, чтобы развеяться.

Сооружения Базы рассредоточили на обширной территории специально, чтобы гаастийцы не могли уничтожить противника одним ударом. Все это хозяйство накрывал силовой купол, за периметром которого в укрепленных подземных бункерах притаились ракетные установки. Они оживали, когда удавалось выявить угрожающе большое скопление септов или другую значимую цель.

Минуя серую приземистую глыбу арсенала, Славич заметил в полуметре от стены зеленое пятнышко. Он подошел поближе. Так и есть! Из стыка между выстилающими дорожку литопластовыми плитами дерзко пробивался тонкий стебель никийского вьюнка. На нем уже красовались четыре листика и готовился распусться пятый, пока еще свернутый в трубку.

Такое случалось часто. Несмотря на все меры предосторожности, с людьми и их машинами на территорию Базы регулярно проникали семена и споры. Побег любых растений, даже самых безобидных, предписывалось уничтожать. Славич собрался вызвать службу биоконтроля, но неожиданно для себя самого замешкался. Уж очень задорно этот вьюнок выставлял напоказ свои четыре листочка, и ему было нипочем, что кругом чужаки, а совсем рядом идет настоящая война. Дай волю — дотянется до стены, ухватится за нее цепкими усиками и поползет навстречу солнцу. Да только кто ж такое допустит? Рано или поздно те, кому положено, увидят «лазутчика» и выжгут сильнейшим гербицидом всю площадку, на которой он осмелился пустить корешок. «Ладно, живи, — сжалился Славич. — Хоть сутки, хоть несколько часов — как получится».

Обогнув арсенал, он вышел к лабораторному корпусу. Хотел пройти мимо, но, уступив внезапному желанию,

решил все же заглянуть в подвал, где находился инсектарий, чтобы взглянуть на септов.

За суперглассовой броней под светом ламп тысячи насекомых, блестя черными панцирями, копошились в ячейках гнезд, сновали по искусственным мостикам, текли струйками внутри прозрачных тоннелей.

Они напоминали сильно увеличенных головастых муравьев. Но у этих самых массовых обитателей Ники кроме шести ног по бокам имелась еще одна. Из-за нее этих странных созданий и называли септоподами — «семиногами». Или попросту септами.

Непарная конечность, вдвое длиннее остальных, была направлена строго назад. Когда требовалось, септы подгибали ее под себя и, мгновенно выпрямляя, подпрыгивали на метр-два. Даже отдельные особи, «выстреливая» из-под ног десантников, заставляли тех напрягаться в ожидании крупной неприятности. И она редко заставляла себя ждать: рядом с группой вспухало зловещее черное облако, грозя опрокинуть людей и погresti под живой лавиной. Подобную атаку переживал не всякий.

Подобно муравьям, септы поедали всю мелкую живность, которая не могла спастись от них бегством. Кроме того, они обожали сладкий сок бруксий — самых примечательных местных деревьев. Срезали острыми жвалами кончики особых «дойных» побегов и жадно глотали сочащуюся оттуда янтарную жидкость.

Казалось бы, что еще нужно этим лакомкам? Какие у них могут быть симпатии и антипатии, кроме заложенных природой миллионы лет назад? Однако подобные представления продержались недолго — до момента, когда люди подверглись первой атаке. Тут-то они и узнали, что септы могут не только прыгать, но и, намертво сцепляясь друг с другом, образовывать огромные подвижные структуры. Причем действовали семиногие букашки на удивление эффективно — не тупо повторяя заученные ходы, а проявляя явную смекалку.

После этого септов принялись усиленно изучать. Выяснили, что они живут в подземных гнездах, создают разветвленные сети коммуникаций, выращивают несколько видов грибов. Но это умели и многие земные муравьи, а у них подозревать разум было смешно.

Не находя разгадки, биологи начали злиться. Они ставляли септов решать задачи разной степени сложности, препарировали их мозг так тщательно, будто собирались исследовать каждую молекулу, но ничего не добились. Мозг оказался типичным для насекомых, а в инсектарии подопытные вели себя скучно и предсказуемо. Какие там мыслительные способности... На воле, за пределами Базы — другое дело. Но не будешь же ставить эксперименты в боевых условиях, рискуя человеческими жизнями!

В конце концов ученые заявили: септы неразумны, а их якобы осмысленные действия объясняются происками гаастийцев. Те добрались до Ники немного раньше землян и каким-то образом превратили местных насекомых в свое орудие. Может быть, с помощью неких чудо-приборов. Сумели же напустить на людей медуз, а это, наверное, было посложнее...

План генерала неплох, подумал майор. Пусть септы упорны, неудержимы, лишены чувства страха и прочих вредных для идеального солдата эмоций — без управления извне это всего лишь примитивные обитатели лесной подстилки. Уничтожить на Нике все опорные пункты гаастийцев трудно, но вполне реально. И тогда, возможно, противник пойдет на переговоры, а там и войне конец.

Он представил, как вернется домой, где не был полтора года. Обнимет жену и, дурея от счастья, уткнется лицом в ее волосы. Но сначала подхватит на руки и закружит выбежавшую навстречу Анюту. Дождавшись вопроса: «Пап, а ты мне привез?..», таинственно улыбнется, опустит дочь на пол и, сделав несколько «магических» пассов, вынет, словно из воздуха, заветную коробочку с подарком.

Когда Славич улетал, Анюта, только что прочитавшая «Аленький цветочек», попросила его привезти «самую-пресамую инопланетную диковину». И он сразу решил, что дочурку покорит золотистый минерал с Корвуса. Но далеко не всякий: крайне редко среди обычных камешков попадался равномерно вспыхивающий «фонарик». Это чудо творила колония живущих внутри крошечных светлячков.

Угрюмый, почти не исследованный Корвус находился вне зоны боевых действий, так что попасть туда не удалось бы при всем желании. Однако Славич сумел через сложную цепочку обменов и взаимных услуг раздобыть «фонарик». Порой он вынимал камень из коробочки, и каждый раз, когда лицо озаряла новая вспышка, на душе становилось чуточку теплее. А уж в каком восторге будет дочь!..

С этой приятной мыслью Славич повернулся к выходу.

Лес принял трех чужаков безучастно. Но расслабляться не приходилось. Славич всматривался в нависшие над головой кроны и не мог избавиться от ощущения, что в узорчатый полог вкраплены тысячи глаз. Лес-великан разглядывает чужаков и готовит им новое наказание за дерзость...

Вездеходы двигались треугольником — это давало лучший обзор, чем в цепочке, и защитит друг друга в случае угрозы было проще. На острие — механовозка, набитая боевыми и вспомогательными роботами. За ней — две машины с десантниками. Славич находился в той, что шла справа.

Из-под носа вездехода разноцветными брызгами разлетались потревоженные мелкие твари. Пружинисто подпрыгивали и уносились назад, за корму, лопнувшие жгуты лиан. То и дело приходилось давить грибы, похожие на большие, по пояс человеку, причудливые кубки. Одни гибли незаметно, а другие — видимо, созревшие — взрывались облаками фиолетовых спор.

Деревья здесь росли не так скученно, чтобы между ними нельзя было проехать. Эффектнее всех, конечно, смотрелись бруксии. Толстый ребристый ствол доходил в высоту метров до четырех, после чего расщеплялся на три мощные горизонтальные ветви. Они, в свою очередь, через несколько метров «переламывались» под прямым углом и устремлялись вертикально вверх, обрастая второстепенными ветвями и глянцевитой листвой. «Перевернутые треножки» — так назвал их первооткрыватель, биолог Энди Брукс.

Художник Ю. САРАФАНОВ

Окончание следует.

Владимир МАРЫШЕВ

КВАДРАТ 617

Фантастический рассказ

Когда война докатилась до Ники, нашлись горячие головы, предложившие покончить с септами раз и навсегда. Чего, мол, с ними церемониться? Зловещим словом «геноцид» называют истребление мыслящего противника, а тут простое выведение насекомых. Чем дешевле и результативнее его проведешь — тем лучше. Поэтому надо создать бактерии, вирусы или грибки, убивающие септов наповал, и внедрить их в места наибольшей концентрации зловредных букашек. Как долго продлится мор, сказать трудно. Может, десятилетия. Зато потом получите планету на блюдечке!

Многим наверху эти планы понравились, но против них ополчились ученые. Оказывается, септы лакомились сладким соком бруксий не задаром: они платили тем, что избавляли чудо-деревья от целых полчищ прожорливых вредителей. Стоит кусачим защитникам исчезнуть — и «треножники» обречены. А поскольку с их корневой системой состояла в симбиозе масса местных организмов, после гибели бруксий Нику ждала неминуемая экологическая катастрофа. Ну и какой землянам прок от убитой собственными руками планеты? В конце концов с этим доводом согласились, и войну решили продолжать традиционными средствами.

Вездеход вильнул в сторону, объезжая очередной ствол, и тут ожил коммутатор.

— Плохие новости, — заговорил в правом ухе Славича капитан-штабист Леонидес. — Отвлекающий бой идет слишком вяло. Похоже, гаастийцы раскусили наш план и оставили все воинство на месте, чтобы встретить группу. В случае серьезной опасности...

В этот момент вездеход тряхнуло, да так, что людей сорвало с мест и повалило друг на друга. Голос в ухе майора продолжал звучать, но мозг уже не воспринимал смысла слов, потому что начался кошмар.

Над травой выросли извивающиеся черные жгуты. Они тут же сливались по двое, как змеи в брачном танце, потом снова и снова, образуя щупальца невероятной толщины. Наверное, такими не могли похвастать и кракены из старинных «ужастиков».

Щупальца обхватили силовой кокон, рывком поставили вездеход на попу, затрясли, как детскую игрушку, потом завалили набок. Славич отработанно вцепился в поручни и сгруппировался, но болтанка была такой жестокой, что уберечься не удалось.

Сначала боль пронзила колено, затем хрустнуло плечо, а под конец майор с силой приложился головой об одну из стоек. Шлем погасил удар, и все же перед глазами вспыхнул сноп ярких искр. На несколько секунд сознание помутилось, но, придя в себя, Славич обнаружил, что все еще сжимает поручни.

Септы любили нападать внезапно. Но нанести удар, оставаясь невидимками, было невозможно, и теперь земляне получили возможность ответить.

Пока Славич боролся с застлавшей глаза пеленой, опрокинутый вездеход вывернулся из захвата и вновь стал на днище. С подобными задачами справлялась автоматика, для активных действий требовался приказ.

— Купол — сто! — скомандовал Славич, кривясь от разламывающей плечо боли. — Плазма!!

По первой команде диаметр силового купола скачком возрастал до максимального. Генератор поля натужно взревел, и окружившие вездеход уродливые черные языки разметало в стороны. Мгновение спустя бортовой компьютер вырубил защиту, чтобы не мешала стрелять.

Ослепительно полыхнуло — это ствол боевой башенки, выросшей позади кабины, метнул в септов струю плазмы. Ффух! — и один из отброшенных от машины языков превратился в огненный столб. Ффух! — и поодаль, разваливаясь на глазах, жарко запылал другой. Третий, не дожидаясь удара, осыпался, превратился в бесформенную кучу, края которой тут же начали расплываться. Башенка успела навести ствол на тающий холмик и плюнуть в него плазмой. Там вспыхнул новый костер, но септы с периферии уцелели и волной устремились к вездеходу, чтобы убраться из зоны обстрела.

— «Ар-джи» из правого ствола! — крикнул Славич и бросил взгляд туда, где за густым облаком дыма от догорающих септов вели бой остальные вездеходы. Им требовалась поддержка огнем, но сначала нужно было очистить подступы к собственной машине.

Из правого борта выдвинулось сопло распылителя, и оттуда веером брызнула прозрачная жидкость. Когда «Ар-джи» считался идеальным инсектицидом и выкашивал септов начисто, но у тех быстро вырабатывался иммунитет, и эффективность отравы сильно упала. Вот и сейчас обильно политая ею трава местами колыхалась: выжившие насекомые собирались в островки, чтобы продолжить наступление. Из десантного отсека эти скопища не больно-то разглядишь, а вот сверху...

Резко обернувшись, Славич встретился взглядом с одним из бойцов — Вилле Матссоном.

— Вилле, давай на крышу! — приказал майор, открывая верхний люк. — Поджаришь всех септов, кого увидишь поблизости, — и сразу назад.

Матссон взлетел по лесенке, встал над самым бортом и открыл огонь из лучевика, но успел сделать лишь два выстрела. После второго на него обрушился черный дождь. Нет, даже не дождь — лавина.

Прямо над вездеходом сомкнулись кроны двух исполлинских бруксий, и оттуда посыпались сотни тысяч септов. Вилле, не сумев удержать равновесие, скатился на землю. А насекомые хлынули в открытый люк.

В десантном отсеке раздались вопли. Ситуацию еще можно было взять под контроль, но Славич потерял несколько драгоценных секунд, пытаясь спасти Матссона. Он захлопнул верхний люк и открыл боковой — чтобы нырнуть в него, парню требовалась буквально пара движений. Однако Вилле никак не мог подняться. Он ерзал по траве с искаженным лицом — похоже, при падении серьезно повредил ногу. А тем временем септы, словно того и ждали, шуршащим водопадом потекли по борту внутрь вездехода.

— Все наружу! — крикнул Славич. — С полным боекомплектом!

Он выпрыгнул из командирского люка, наклонил дуло лучевика и окружил себя огненным кольцом.

— Оставайтесь на месте! — взывал в ухе генерал. — Мы вас видим, подмога уже летит. Еще немного. Держись, майор! Мы вас вытащим!

Это «держись» Славич на Нике слышал не раз. И действительно держался. Но сейчас...

Слева, из-за чудом уцелевших среди пожарища кустов, стремительно накатила волна насекомых, и мгновение спустя огромная черная лапа выдернула майора из мешанины тел и поволокла в лес.

Майор еще никогда не чувствовал себя таким беспомощным. Не мог даже повернуться — оставалось только разглядывать проносящиеся над головой ветви и сплетения лиан. Куда его тащили?

Черная волна долго катилась между стволов, то вздымаясь горбом, то почти припадая к земле. Наконец она сбавила ход и, застыв на краю небольшой поляны, расплескалась в стороны. Славич мягко шлепнулся на траву. Попытался встать, но тело не слушалось — казалось, мышцы превратились в желе. Тут он вспомнил, что сразу после похищения септы несколько раз его укусили. Не иначе впрыснули вместе со слюной какую-нибудь обездвиживающую гадость...

Впереди возвышался серый морщинистый ствол старой бруксии. От него радиально расползались толстые узловатые корни, и между двумя из них в земле виднелась дыра диаметром не меньше метра. Догадаться, для кого ее проделали, было нетрудно: насекомым, чтобы попасть в гнездо, такие «ворота» ни к чему.

«Вот и все, — подумал Славич. — Отвоевался...» Затем септы снова устремились к нему, облепили снизу и, приподняв, затащили в провал.

Узкий темный коридор вилял из стороны в сторону — возможно, огибал жилые камеры гнезда. Наконец впереди забрезжил свет, и септы вытолкнули пленника в помещение размером с небольшую комнату. Стены и низкий свод обильно покрывал мерцающий зеленоватый пушок — та самая люмо-плесень, которую сейчас увлеченно изучали биологи Базы.

В центре подземной полости раскорячилась странная фигура, словно обмотанная лохмотьями. При взгляде на нее Славич почувствовал, как подступает тошнота.

Это оказался гаастиец — голый и настолько худой, что казался изможденным. Раскинутые в стороны руки и ноги, голову, грудную клетку опутывали многочисленные белесые нити и жгуты. Нити слабо шевелились, жгуты едва заметно пульсировали. Наибольшее отвращение вызывало лицо. Собственно, его и не было — сплошной волокнистый кокон, из которого выглядывали только уставленные в потолок роговые линзы.

«Живой мертвец», — подумал Славич. И, прокрутив в голове все, что знал, понял смысл увиденного.

Врагу так и не удалось создать приборы, позволяющие поддерживать с септами ментальную связь. Пришлось идти биологическим путем, дорабатывая отменно развитые у никрианских насекомых сигнальные системы. Путь этот оказался настолько непригляден, что земляне не выбрали бы его даже в случае крайней нужды. Но гаастийцы — не люди, над ними довлел пресловутый кодекс чести, заставляющий идти на все ради торжества своей расы. Не страшно превратиться в утыканный нейрощупами неподвижный кусок мяса — страшно, если эта жертва окажется напрасной и не приблизит победу.

Но, похоже, «кускам мяса» была отпущена не такая уж долгая жизнь. Может быть, для лучшей ментальной связи их накачивали стимуляторами, которые ускоряли процесс старения. Так что и этот гаастиец, и его соратники в остальных центрах управления представляли собой быстро дряхлеющие развалины. Надежды на замену растаяли вместе со сбитой капсулой. Однако кодекс чести не позволял кануть в небытие, не оставив преемника, ибо это значило проиграть войну. И тогда у тех, кто доживал последние дни в подземных «саркофагах», возник дьявольский план. Чем земные мозги хуже гаастийских?..

«Нет! Нет! Нет!» — Славич повторял этот беззвучный крик, пока не ощутил болезненный укол в шею. А потом, заволакивая один за другим островки сознания, в голове начал расплзаться туман...

Кошмары принято видеть в снах. Но теперь кошмаром стало пробуждение.

Он лежал, не чувствуя тела, в той же позе, что незадолго до него — гаастиец. Среди белесой поросли и пу-

таницы змеящихся жгутов виднелись только ступни, колени и кисти рук. Какое-то время Славич отрешенно разглядывал потолок, заляпанный пятнами светящейся плесени. Утомившись, закрыл глаза — и словно ухнул в распахнувшуюся под ним бездну. Но не разбился, а застыл в точке, где ощутил себя центром пусть небольшой, но собственной вселенной.

Она напоминала паутину, в узлах которой находились подземные гнезда, а вдоль нитей двигались походные колонны септов. Если в прошлой жизни Славич был майором, то в этой — полководцем высшего ранга, которому повиновалось бесчисленное воинство. Непостижимым образом он знал обо всем, творящемся на подвластной ему территории. Не покидая «саркофага», «видел» и место только что проигранного людьми сражения (подмога с Базы подоспела слишком поздно), и саму Базу — четкий прямоугольник на окраине леса.

«Как все просто», — подумал Славич, оправившись от первого шока. И повелел септам беспрепятственно пустить землян в лес, выдав им с потрохами всех гаастийцев.

Но он переоценил свое могущество.

Гаастийцы были не дураки. Они создали превосходную систему, действующую только в одном направлении — против людей. Когда Славич приказал септам «изменить присяге», те изо всех щелей хлынули в «саркофаг» и начали возбужденно скакать до потолка. На какое-то время в камере стало совсем темно.

«Это предупреждение, — понял Славич. — Еще пара таких ошибок — и загрызут насмерть». А чуть позже пришла еще одна жуткая догадка: если прикинуться слабоумным и не отражать атаки землян — закусает тоже. Командир должен командовать, а не сидеть трупнем на всем готовом!

Враги землян совершили невероятное — добились того, что септам понравилось воевать. И они будут воевать, пока в их распоряжении мозг, знающий, как максимально эффективно послать на смерть полчища крошечных бойцов. Гаастийский, человеческий — без разницы. Когда его не станет, септы провалятся в прежнее свое состояние — будут поедать жучков-червячков, наслаждаться соком своих бруксий. Вот оно, счастье, и не-

зачем подгонять матушку-природу — пусть она сама решает, кого пора наделять разумом...

Значит, надо сделать так, чтобы мозг исчез.

От этой мысли Славича затрясло. На войне всегда страшно, но в горячке боя задумываться о смерти нет времени. Сейчас был страх другого рода — липкий, удушьяющий, парализующий волю. Страх расстаться с жизнью, когда тебе ничто не угрожает, кроме глупой случайности. Когда при хорошем раскладе можно протянуть годы, а если чертовы стимуляторы не вызывают старения у землян, то десятилетия!

Но вскоре эту мысль вытеснила другая: «А стоит ли цепляться за ТАКУЮ жизнь?» И страх отхлынул, улетучился, и пришло решение.

«Спешите сюда!» — приказал Славич.

И миллионы его солдат, бросив все дела, послушно устремились на беззвучный зов.

«Сегодня великий день! — продолжал распятый в подземелье полководец. — Мы одержали победу над врагом и должны ее восславить. Стройте башни до неба — пусть все видят, кто хозяева на планете!»

И детали гигантского живого конструктора начали соединяться — быстро, четко, как по программе. Сначала на подступах к «саркофагу», словно охраняя его со всех сторон, вспухли небольшие холмы. Вскоре они превратились в курганы, курганы — в колонны. Четыре исполинских черных столба проткнули лесной полог и продолжали расти, как будто их строители в гордыне своей действительно собрались дотянуться до небес.

О столь щедром подарке от противника командование Базы не могло и мечтать. Майор представил, как взбешенный провалом операции генерал получает картинку со спутника и не верит своим глазам. А поняв наконец, что гаастийцы по-глупому засветили свой центр управления, приказывает немедленно его уничтожить.

Славичу почудилось, что он ощутил далекую, едва уловимую дрожь земли от стартующих ракет. Затем перед глазами выткалось из воздуха личико Анюты, так и не дождавшейся чудесного подарка — «фонарика» с Корвуса. При мысли об этом стало невыносимо обидно.

Но он знал, что делает.